

# «Новая индустриализация» в России как фактор перехода к «зеленой» экономике

**Ирина Павловна Довбий**, д. э. н., профессор кафедры «Экономическая безопасность» Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск  
E-mail: betelgeyse@mail.ru

**Алексей Николаевич Дегтеренко**, аспирант частного образовательного учреждения высшего образования «Международный Институт Дизайна и Сервиса», г. Челябинск  
E-mail: adegterenko@yandex.ru

**Влада Валерьевна Кобылякова**, аспирант кафедры «Экономическая безопасность» Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск  
E-mail: krutova.94@inbox.ru

## Аннотация

Настоящее исследование раскрывает условия и факторы «новой индустриализации» в контексте возрастающей необходимости перехода России к новой «зеленой» модели экономического роста. Можно предположить, что следствием мирового структурного кризиса, вызванного COVID-19, станет усиление требований экологических стандартов. Последние могут оказаться мощным инструментом конкурентной борьбы компаний и государств за рынки ресурсов и рынки сбыта. В России «новая индустриализация» должна стать основой для «озеленения» экономики, поскольку для этого имеются определенные предпосылки. В статье исследованы различные факторы, условия, тренды, требования и признаки, которым должна соответствовать «новая индустриализация», чтобы обеспечить устойчивое развитие и конкурентоспособность на мировых рынках. В теоретическом аспекте авторы сделали аргументированный вывод о диалектическом единстве процессов «новой индустриализации» и «озеленения» экономики. Если будут выполнены определенные условия, в частности, приоритетное развитие реального сектора экономики на новейшей технологической основе, формирование новой технократической элиты с компетенциями интеллектуального обеспечения политики «новой индустриализации», наращивание интеллектуального потенциала научных и инженерно-технических кадров, реализующих новые научные направления и разработки конкурентных технологий, то можно будет говорить о том, что «новая индустриализация» является фактором перехода к расширенному «зеленому» воспроизводству национальной экономики.

**Ключевые слова:** «новая индустриализация», наилучшие доступные технологии, устойчивое развитие, «зеленая» экономика, государственная промышленная политика, COVID-19, мировой структурный кризис

**JEL:** D02, O14, O44

**Для цитирования:** Довбий И. П., Дегтеренко А. Н., Кобылякова В. В. «Новая индустриализация» в России как фактор перехода к «зеленой» экономике // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 4. С. 85–100. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-4-85-100.

DOI: 10.31107/2075-1990-2020-4-85-100

## “New Industrialization” in Russia as a Factor in the Transition to a Green Economy

**Irina P. Dovbiiy**<sup>1</sup>

E-mail: betelgeyse@mail.ru

**Alexey N. Degterenko**<sup>2</sup>

E-mail: adegterenko@yandex.ru

**Vlada V. Kobilyakova**<sup>1</sup>

E-mail: krutova.94@inbox.ru

<sup>1</sup> South Ural State University, Chelyabinsk 454080, Russian Federation

<sup>2</sup> International Institute of Design and Service, Chelyabinsk 454014, Russian Federation

### Abstract

The present study reveals the conditions and factors of “new industrialization” in the context of the growing need for Russia to transition to a new, green model of economic growth. It can be assumed that the consequences of the global structural crisis caused by COVID-19 will raise the requirements of environmental standards. The latter can become a powerful tool in the competition between companies and states for resource and sales markets. In Russia, “new industrialization” should become the basis for the greening of the economy, since there are certain prerequisites for this. The authors have investigated various factors, conditions, trends, requirements and features that the new industrialization must meet in order to ensure sustainable development and competitiveness in global markets. In the theoretical aspect, the authors have made a reasoned conclusion about the dialectical unity of the processes of “new industrialization” and greening of the economy. If certain conditions are met – in particular, priority development of the real sector of the economy on the latest technological basis, formation of a new technocratic elite with competencies for the intellectual provision of the “new industrialization” policy, and building up of the intellectual potential of scientists, engineers and technicians pursuing new scientific directions and development of competitive technologies – it will be possible to say that “new industrialization” is a factor of transition to expanded green reproduction of the national economy.

**Keywords:** “new industrialization”, best available techniques, sustainable development, green economy, COVID-19, global structural crisis

**JEL:** D02, O14, O44

**For citation:** Dovbiiy I.P., Degterenko A.N., Kobilyakova V.V. “New Industrialization” in Russia as a Factor in the Transition to a Green Economy. *Financial Journal*, 2020, vol. 12, no. 4, pp. 85–100 (In Russ.). DOI: 10.31107/2075-1990-2020-4-85-100.

---

### ВВЕДЕНИЕ

На закате неолиберальной эпохи возрастают тренды «зеленого» развития российской экономики. Это порождает горячие дискуссии вокруг различных концепций и моделей ее развития. При этом акценты ставятся на необходимость качественного обновления технологической базы в обрабатывающей промышленности, создающей предпосылки для формирования отраслей высшего технологического уклада: технологические инновации воплощаются прежде всего в «металле». Одновременно проходит «озеленение» финансовой системы на принципах «зеленого» (ответственного) финансирования: на национальном уровне разрабатываются рекомендации, правила и стандарты.

Для российской экономики технологическое отставание грозит усилением экологических проблем, потерей производительности и конкурентоспособности. На повестку дня

выходит «новая индустриализация»<sup>1</sup>, под которой в России понимается восстановление, динамическое наверстывание и опережающее развитие материально-технической базы национальной экономики. По мнению авторов, она должна сочетать в себе черты четвертой промышленной революции с вектором движения к «зеленой» экономике.

## МИРОВОЙ СТРУКТУРНЫЙ КРИЗИС И ТРЕНДЫ «ЗЕЛЕННОГО» РАЗВИТИЯ

Основным признаком современного этапа научно-технического развития является глобальная трансформация, означающая постепенный переход экономик различных государств к шестому технологическому укладу. Его ключевым признаком становится интенсивное инновационное обновление основного капитала на основе NBIC-технологий<sup>2</sup> при условии соблюдения принципов устойчивого развития (*sustainable development*) — концепции по управлению процессами социально-экономического развития человечества в совокупности с охраной окружающей среды и сохранением биосферы, сформулированной ООН. Страны-участницы берут на себя обязательства по осуществлению политики перехода к «зеленой» экономике, реализуя мероприятия по экологизации промышленности и «озеленению» финансовой системы [Кабир Л. С., 2017]. Одновременно XXI в. открыл новый этап в развитии финансовых рынков — эпоху ответственного финансирования (*ESG-finance*), основанную на учете трех факторов риска: экологических, социальных и управленческих (*ESG — Environmental, Social, Governance*). В числе тенденций, которые должны закрепить переход к «зеленой» экономике, следует назвать, с одной стороны, увеличение государственных инвестиций и расходов в «зеленые» проекты, с другой — отказ от государственного субсидирования экологически вредных производств.

Мировой кризис 2020 г., вызванный пандемией COVID-19, сопровождавшийся беспрецедентными карантинными мерами и массовой остановкой широкого спектра предприятий, ускорил процесс развития структурного кризиса, на пороге которого стояла глобальная экономика. По мнению ученых, «пандемия COVID-19, разорвав глобальные цепочки создания стоимости, показала реальный уровень глобализации мировой экономики — до этого многим она представлялась некоей формальной и мало ощутимой на практике категорией» [Белов В. Б., 2020]. А последствия пандемии будут оказывать влияние на национальные экономики многих стран в длительной перспективе [Паздникова Н. П. и др., 2020]. Фактически за три-четыре месяца произошло такое сжатие реальных и финансовых рынков, которое характерно для мировых кризисов и, как правило, происходит в течение трех-четырех лет. Однако предпосылок для столь же быстрого восстановления экономики нет, пожалуй, ни в одной стране мира, и, скорее всего, продолжится структурный спад. Кризис сгладил проблему глобального перепроизводства и ярко обозначил переход к новой экономической реальности, в которой:

— редуцирование организации бизнеса сопровождается изменением воззрений на трудовую деятельность и упрощением трудовых отношений; одновременно резко высвобождается большое количество невостребованной рабочей силы, увеличивая число безработных;

— основой коммуникационного взаимодействия становятся цифровые технологии и виртуализация, охватившие такие области, как административные и финансовые услуги, дистанционное образование и пр.;

<sup>1</sup> Следует уточнить, что развитые страны Запада, осуществляя процесс возвращения ранее выведенных за рубеж промышленных производств, также называют данный процесс «новой индустриализацией». В России данное понятие имеет более глубокий смысл, связанный с переходом к новому технологическому укладу.

<sup>2</sup> NBIC-технологии (N — нанотехнологии, B — биотехнологии, I — информационные технологии, C — когнитивные технологии) определяют вектор развития технологий в XXI в.

— изменилось отношение людей к деньгам в силу чрезвычайной закредитованности населения, с одной стороны, и массового обнищания на фоне административно установленных карантинных мер, с другой. Обозначились первые черты перехода от общества потребления к обществу рационального (разумного) потребления;

— «зеленый тренд» в виде улучшения экологической обстановки в период пандемии (снижение мирового объема выбросов CO<sub>2</sub> на 5 %), по мнению политиков, экономистов и экологов, должен быть не просто сохранен, он должен стать частью глобальной стратегии устойчивого развития, направленной на повышение качества жизни людей всех мировых экономик. Меры по восстановлению рынков, принимаемые правительствами развитых стран для ускорения перехода к «зеленой» энергетике, могут стать формой контроля над объемами материального производства.

Перечисленное являет собой далеко не полный перечень трендов, которые должны быть приняты во внимание в процессе движения человечества к «зеленой» экономике. Россия позиционируется в качестве одного из ведущих игроков в системе глобальных интересов, что порождает новые вызовы и угрозы в области социально-экономического развития, системных и управленческих реформ, экономической модернизации. Цели устойчивого развития получили закрепление в национальной политике в виде двенадцати национальных проектов, выполнение которых определяет вектор движения к «зеленой» экономике.

### **ДВИЖЕНИЕ К «ЗЕЛеной» ЭКОНОМИКЕ И ПРЕДПОСЫЛКИ «НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ» РОССИИ**

Экономически развитые страны начали движение к «зеленой» экономике уже в 1970-х гг. На фоне четвертой арабо-израильской войны страны — члены ОПЕК практически прекратили поставки нефти в Европу и США, вызвав беспрецедентный топливный (энергетический) кризис и рост цен на нефть в четыре раза. В числе прочих проявлений кризиса впервые крайне остро встала проблема энергосбережения: были введены жесткие ограничительные меры на энергопотребление, пользование автотранспортом. Промышленное производство в Европе сократилось почти на 14 %, акции ведущих американских компаний рухнули на треть. Фактически кризис стал одним из факторов, определивших курс на низкоуглеродную ресурсоэффективную модель экономики.

В мире начался поиск механизмов, обеспечивающих последующим поколениям устойчивое сбалансированное будущее. Эти механизмы впервые были обозначены в принятой Конференцией ООН в 1992 г. «Повестке дня на XXI век». В 2012 г. на аналогичной конференции странами было принято решение о необходимости инвестирования в «озеленение» порядка 2 % глобального ВВП для перевода глобальной экономики на низкоуглеродный ресурсоэффективный путь «зеленого» развития. В России развитию «зеленой» экономики правительством уделяется недостаточно внимания, а промышленные компании рассматривают ее в качестве препятствия к развитию.

Следует уточнить, что топливный кризис был на руку Советскому Союзу, активно осваивавшему западносибирские месторождения. Доля «нефтедолларов» существенно превышала остальные статьи бюджета, значительная часть расходов которого направлялась на вооружение, закупку на Западе товаров народного потребления, зерна и продовольствия. С одной стороны, советская экономика была основательно переориентирована на рельсы ресурсного развития, с другой — значительные средства направлялись на разработку военных, космических, ядерных и других технологий.

Россия конца 1980-х — начала 1990-х представляла собой ведущую технологическую державу с инновационным технологическим заделом на десятки лет вперед. Однако за почти тридцатилетний период реформ страна, по мнению Е. Б. Ленчук, превратилась «в потребителя зарубежных далеко не всегда передовых технологий», что поставило

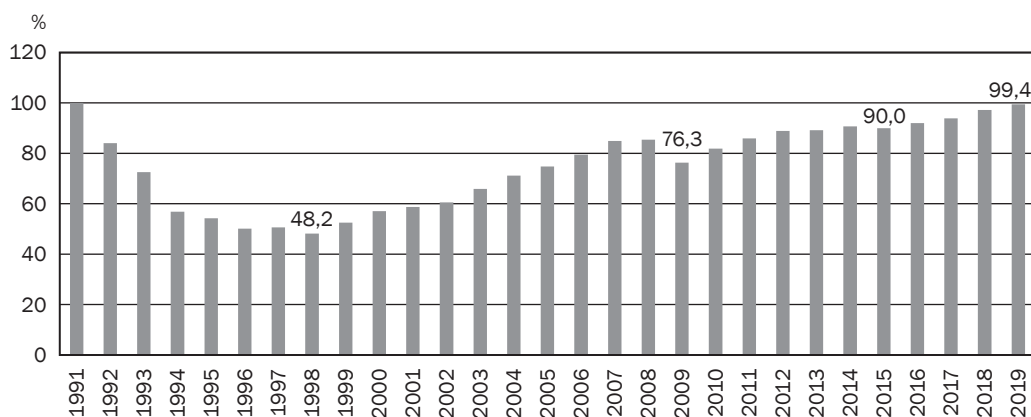
«под угрозу технологический суверенитет страны» [Ленчук Е. Б., 2017, с. 22]. Причиной деградации российской экономики, по мнению Дж. Стиглица, стала реализация либеральных реформ [Стиглиц Дж., 2003]. Критическое падение промышленного производства было обусловлено и финансовыми трудностями, и отсутствием государственной инновационной и промышленной политики<sup>3</sup>, и «сформировавшимся в период реформ отечественным механизмом инвестирования, который в качестве главной цели ставил максимизацию прибыли, тем самым оказался в подчинении денежно-финансовых потоков, сконцентрированных в спекулятивно-посреднической сфере, отрегулированных по законам монетаризма и обусловивших спад инвестиций и инноваций в реальном секторе экономики» [Довбий И. П., 2011, с. 12].

Перенакопление финансового капитала привело к дисбалансу между уровнем и характером развития производительных сил, с одной стороны, и производственно-финансовых отношений — с другой. Наибольшую угрозу для национальной экономики стали представлять деформированная структура производственных мощностей, их несопряженность и недостаточность в различных отраслях экономики и инфраструктуры.

Следует подчеркнуть, что для экономически развитого государства промышленность выступает гарантом обеспечения экономической безопасности, являясь базовой составляющей экономики. России крайне важно преодоление беспрецедентного падения национальной экономики, наблюдавшееся в 1990-х, когда промышленное производство упало в 1998 г. до 48,2 % от уровня 1991 г. (рис. 1). На фоне кратных потерь профессиональных кадров, износа основных фондов исчезли целые секторы промышленности, что запустило механизмы деформации и деградации структур управления экономикой [Довбий И. П., 2018].

Рисунок 1

**Динамика промышленного производства в Российской Федерации, в % к 1991 г. /  
Dynamics of the industrial production in the Russian Federation, in % by 1991**



Источник: расчеты авторов на основе официальных данных Росстата / Source: authors' calculations based on the official data of the Federal State Statistic Service.

Длительное восстановление экономики сопровождалось кризисами (1998 г., 2008 г.) и, наконец, в 2014–2015 гг. затормозилось введенными против России экономическими санкциями, закрепившими отставание от развитых и ухудшение положения относительно

<sup>3</sup> С учетом последствий глобального кризиса перед экспертным сообществом была поставлена задача переосмысления социально-экономической политики России, перехода от «экономики спроса» к «экономике предложения» и выработки обновленной стратегии развития до 2020 г.

развивающихся государств: в основе экспорта — продукция низких переделов; импорт хотя и ориентирован на высокотехнологичную продукцию (в станкостроении достигает 70–80 %), однако не обеспечивает потребности национальной экономики в новейших технологиях. В 2019 г. национальная экономика практически вышла на уровень начала 1990-х (99,4 % к 1991 г.), однако на фоне карантинных ограничений, вызванных COVID-19, промышленный рост прервался.

В условиях системного экономического кризиса и деградации национальной экономики достаточно четко обозначилась системная проблема: для защиты национальных интересов и нейтрализации новых вызовов и угроз необходимо было осмысление и стратегическое самоопределение. Проблема выбора новой стратегии долгосрочного экономического роста с учетом требований устойчивого развития стала фактором экономической безопасности государства. Однако, по мнению А. Амосова, «прежде чем вступить в фазу экономического роста, необходимо восстановить производство до уровня, достигнутого перед спадом» [Амосов А., 2015]. Особое значение, по мнению А. Татаркина и О. Романовой, играет государственная промышленная политика, требующая баланса сугубо экономических и социальных целей развития [Татаркин А. И., Романова О. А., 2014].

Формирование институциональной среды российской промышленности в период с 1989 г. (начала стихийной приватизации и отсутствия промышленной политики как таковой) и по настоящее время осуществлялось на основе различных интересов и отношений, складывающихся между властными структурами, бизнесом и прочими сторонами. В различные периоды менялись содержание и приоритеты промышленной политики (табл. 1).

Таблица 1

**Институциональная среда развития российской промышленности (1989–2020 гг.) / Institutional environment of the Russian industry development (1989–2020)**

Период	Содержание и приоритеты промышленной политики	Интересы и отношения	Итоги реализации
1989–1991 гг.	Промышленная политика не проводится, «рынок — панацея от всех бед»	Подготовка к приватизации, утрата государством интереса к промышленности; основной интерес к развитию промышленных предприятий проявляют чиновники и «красные директора», привыкшие распределять наиболее дефицитную продукцию и желающие закрепить статус-кво	Деградация технологической и отраслевой структуры производства
1992–1993 гг.	Радикальная экономическая реформа; утрата возможностей централизованного управления экономикой; селективная поддержка приоритетных отраслей, конверсионные кредиты, действие рыночных рычагов принимает «извращенные» формы	Доминирование идеи о рыночной экономике; «дикая» приватизация и ослабление государственных интересов в общей системе интересов, понижение роли государства в решении вопросов устойчивого промышленного развития; потеря контрагентов из бывших союзных республик; дисбалансы и диспаритеты на всех уровнях экономики;	Неэффективность деятельности, реструктуризация и банкротство промышленных предприятий; снижение динамики развития НИОКР в большинстве отраслей; развитие отношений ренты за счет особых отношений между отдельными представителями бизнеса и государственных структур
1994–1998 гг.	Государственная поддержка отдельных эффективных рыночных проектов; возведение и падение пирамиды ГКО	институциональный конфликт интересов на фоне оппортунистического поведения бизнес-элит, как следствие — разрушение промышленного потенциала, утрата целых секторов экономики (станкостроения, электроники и др.)	Отсутствие позитивных структурных и технологических сдвигов, затухание технологического прогресса в отдельных отраслях промышленности; потеря высококвалифицированного кадрового потенциала промышленности, разрушение сферы профессионально-технического образования

Период	Содержание и приоритеты промышленной политики	Интересы и отношения	Итоги реализации
1998–2000 гг.	«Лучшая промышленная политика — отсутствие промышленной политики»; перенос налогового бремени с высокотехнологического на экспортно-сырьевой сектор	Восстановительный рост обусловлен падением курса рубля почти в 4 раза и наличием свободных производственных мощностей для замещения промышленного импорта	Консервация сложившейся структуры промышленности: на фоне падения курса рубля увеличивается емкость рынка продукции отечественной промышленности
2001–2005 гг.	Режим мягкой регуляции (горизонтальная промышленная политика), реализующей универсальные методы и инструменты поддержки в рамках либеральной модели экономического развития (налоги, обменный курс, тарифы естественных монополий); развитие рыночных институтов	Бизнес проявляет инициативу и активность; персонализированность отношений власти и бизнеса принимает широкие обороты; практика встреч с крупным бизнесом; прямые конфликты между бизнес-группами, в которые вовлекаются силовые структуры; государство — арбитр при столкновении интересов	Ограниченный рост, некоторое улучшение условий развития низкотехнологических производств; снижение конкурентоспособности и разрушение потенциала развития высокотехнологических производств
2006–2008 гг.	Диверсификация, стимулирование инноваций; дополнение мягкой промышленной политики селективными мерами господдержки приоритетных видов деятельности (вертикальная отраслевая промышленная политика), долгосрочное проектирование; использование государственной собственности и бюджетных средств	Демонстрация государством наличия собственных интересов в промышленности и создание совета по конкурентоспособности (институционализация доступа) обозначили начало становления конкурентной промышленной политики; построение иерархии и вертикали власти, усиление государственного контроля на фоне роста конкуренции между властными элитами, в т. ч. через контрольные органы, имели следствием преобразование групп интересов	Быстрый сырьевой рост и существенные бюджетные ресурсы; акцент на развитие инновационного потенциала и высокотехнологических производств; реализация национальных проектов; создание государственных корпораций и концентрация финансовых ресурсов в институтах развития
2009–2011 гг.	Антикризисная политика, контроль цен, «ручное» управление (установление преференций), направленное на модернизацию и диверсификацию экономики; меры стимулирования внутреннего спроса на промышленную продукцию; выравнивание конкурентных условий для отраслей добывающей и перерабатывающей промышленности	Обеспечение социальной стабильности; помощь в обмен на обязательства между государством и крупным бизнесом; расширение конкуренции в сфере доступа к власти (президентская и правительственная комиссии), усиление давления контрольных органов; новые формы взаимодействия с бизнесом, в т. ч. подключение регуляторов (финансовых, налоговых и проч.) для воздействия на бизнес в социально чувствительных сферах; расширение состава субъектов формирования промышленной политики (финансовые и нефинансовые институты развития, уполномоченные банки, крупные промышленные предприятия, субъекты малого и среднего бизнеса, инновационные бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, технологические и промышленные парки и проч.)	Структурная модернизация отечественной экономики с опережающим развитием высокотехнологических производств; повышение престижности труда в отраслях материального производства

Период	Содержание и приоритеты промышленной политики	Интересы и отношения	Итоги реализации
С 2012 по 2014 г.	Технологическая политика «новой индустриализации»; «дорожные карты»; ужесточение бюджетных ограничений; ставка на налоговые маневры, реиндустриализацию, улучшение инвестиционного климата	Появление новых игроков, предложение новых мер, поиск новых групп поддержки политики; дискуссии по содержанию, мерам и направлениям «новой индустриализации»; создание новых механизмов коммуникации (открытое правительство), частичное дерегулирование, передача части полномочий регионам	Существенное замедление роста, усиление бюджетных ограничений; создание новых секторов экономики, инновационное обновление традиционных производств, создание высокопроизводительных рабочих мест
2015–2017 гг.	Политика импортозамещения; работа в условиях санкций обеспечила изменение условий для формирования промышленной политики после вступления в ВТО	Ограничения на рынке капитала: высокая ключевая ставка, невозможность привлечения зарубежных кредитов; ограничения рынка технологий и высокотехнологичного оборудования	Преодоление зависимости от импорта технологий; формирование умеренно сбалансированной экономики
<b>С 2018 г. по н. в.</b>	<b>Политика внедрения наилучших доступных технологий</b>	<b>Формирование нормативной правовой базы и основных принципов экологической промышленной политики, системы показателей макроуровня для оценки результатов перехода на принципы наилучших доступных технологий (НДТ), отраслевых методик оценки затрат перехода на принципы НДТ; поддержка государством «зеленых» проектов через механизм возмещения затрат на выплату купонного дохода</b>	<b>Кардинальное снижение уровня негативного воздействия на окружающую среду; снижение доли импорта основного технологического оборудования, эксплуатируемого в случае применения наилучших доступных технологий, с 50 % в 2019 г. до 36 % к 2024 г.; развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности</b>

Источник: составлено авторами по [Акбердина В., 2017; Довбий И. П., 2018; Кузнецов Б. В., Симачев Ю. В., 2014; Симачев Ю., 2014; Татаркин А. И., Романова О. А., 2014)] / Source: compiled by the authors based on [Akberdina V., 2016; Dovbii I.P., 2018; Kuznetsov B.V., Simachev Yu.V., 2014; Simachev Yu., 2014; Tatarikin A.I., Romanova O.A., 2014].

Первый этап условно можно обозначить периодом 1989–1991 гг., связанным со стихийной приватизацией, утратой государством интереса к промышленности и переходом инициативы к «красным директорам», желающим удерживать руководящие позиции и контроль над предприятиями.

Следующие несколько этапов были обусловлены началом в 1992 г. рыночных реформ, официальной приватизацией, утратой государством способности централизованного управления экономикой, кризисом неплатежей в экономике и банкротством крупных промышленных предприятий. Следствием стало разрушение промышленного потенциала национальной экономики.

Кризис 1998 г., с одной стороны, нанес существенный удар по национальной промышленности, с другой, — на фоне четырехкратной девальвации национальной валюты открыл окно восстановительного промышленного роста на свободных производственных мощностях. Период с января 2001 г. по август 2008 г. рассматривается как период «тучных лет», обеспечивших построение «вертикали власти», восстановление государством собственных интересов в промышленности и проведение мягкой промышленной политики.

Мировой финансовый кризис, обострившийся в сентябре 2008 г., имел следствием введение «ручного» антикризисного управления, направленного на модернизацию национальной промышленности и начало процесса формирования промышленной политики на основе взаимодействия государства, бизнеса и науки.



С 2012 г. начинается восстановительный рост, обусловленный инновационным обновлением промышленности, прежде всего предприятий оборонно-промышленного комплекса. Обретает очертания технологическая политика «новой индустриализации». После Конференции ООН 2012 г. на повестку дня встала задача «экологизации» экономики через модернизацию производства. В качестве совокупности форм регулирования и ресурсов для реализации инвестиционных и инновационных инициатив в 2014 г. была принята Единая промышленная политика<sup>4</sup>, а также определены условия для регионов, обеспечивающих принятие и реализацию рамочных законов о промышленной политике и детерминирующих долгосрочные стратегические приоритеты промышленного развития<sup>5</sup>. В 2015 г. Федеральным законом № 219-ФЗ принято решение о создании механизма наилучших доступных технологий (НДТ)<sup>6</sup>, обеспечивающих мягкий переход промышленных предприятий на технологии, обеспечивающие в том числе снижение экологической нагрузки. Несколько ранее в президентском указе 2008 г. были закреплены требования энергетической и экологической эффективности хозяйствующих субъектов национальной экономики<sup>7</sup>.

С подписанием Парижского соглашения в декабре 2015 г. Россией были установлены целевые ориентиры снижения к 2030 г. выбросов парниковых газов до 70–75 % от уровня выбросов 1990 г. В 2017 г. данный показатель приблизился к 34 %, однако это скорее стало следствием длительного спада в экономике. Согласно данным аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, в 2018 г. «совокупный объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферу составил 32,3 млн т, из которых 17,1 млн т выброшено стационарными источниками»<sup>8</sup>.

В 2018 г. политика внедрения НДТ для предприятий-загрязнителей получает нормативно-правовое обеспечение<sup>9</sup> и становится связующим компонентом промышленной и экологической политики государства и базой «новой индустриализации». В декабре 2019 г. Распоряжением Правительства РФ был утвержден Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 г., в котором указывалось, что часть территории страны находится в области значительных (наблюдаемых и прогнозируемых) изменений климата, последствия которых существенно воздействуют на социально-экономическое развитие государства, качество жизни населения, экономическую активность хозяйствующих субъектов.

Таким образом, ориентация на «озеленение» национальной промышленности началась лишь на последних этапах институционального оформления промышленной политики, окончательно обозначивших необходимость «новой индустриализации».

Являясь членом G20, Россия в вопросе устойчивого социально-экономического развития поддержала решение группы о приоритетном значении «зеленого» развития не только на макро-, но и на мезоуровне. Траектория движения России к «зеленой» экономике будет характеризоваться крайней нелинейностью по причине существенной неоднородности экономического развития регионов как вследствие территориальной отдаленности, инфраструктурной и институциональной необеспеченности, наличия/отсутствия различных ресурсов, включая человеческий капитал, так и в силу накопившихся экологических дисбалансов и проблем.

<sup>4</sup> Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».

<sup>5</sup> К 2000 г. только в 15 субъектах Федерации имелись законы о промышленной политике.

<sup>6</sup> Федеральный закон Российской Федерации № 219-ФЗ от 21 июля 2014 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “Об охране окружающей среды и отдельные законодательные акты Российской Федерации”».

<sup>7</sup> Указ Президента РФ № 889 от 04.06.2008 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики».

<sup>8</sup> <https://ac.gov.ru/files/publication/a/23719.pdf>.

<sup>9</sup> Приказ Минприроды России от 18.04.2018 № 154 «Об утверждении перечня объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, относящихся к I категории, вклад которых в суммарные выбросы, сбросы загрязняющих веществ в Российской Федерации составляет не менее чем 60 процентов».

Кроме того, необходимо учитывать, что современная практика формирования промышленной политики в развитых и динамично развивающихся странах указывает на устойчивые тренды, обуславливающие актуальность выбора приоритетов развития. Речь идет о высокой неопределенности внешней среды и волатильности процессов в экономике, существенном усложнении цепей добавленной стоимости, исчерпании потенциала институционального регулирования, усилении экологизации экономики, поколенческих изменениях, изменениях бизнес-моделей и форм организации с ориентацией на сетевые формы взаимодействия [Довбий И. П., 2018].

### **«ЗЕЛЕННЫЕ» ПРИЗНАКИ «НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ»**

К началу 2020-х гг. Россия подошла с критически изношенными основными фондами. За последние тридцать лет степень износа не только не снизилась, но и возросла с 35,6 % в 1990 г. до 46,8 % в 2019 г. Коэффициент обновления снизился, соответственно, с 6,3 до 4,6 %; коэффициент выбытия — с 2,4 до 0,7 %<sup>10</sup>. Кардинальное обновление основных фондов в течение последних десяти лет наблюдалось только в оборонно-промышленном комплексе. В обрабатывающей промышленности активность в обновлении основных фондов началась с 2000-х гг., и в настоящий момент средний срок службы оборудования составляет около 23 лет. При этом в любой отрасли одновременно присутствуют как принципиально новые, оснащенные конкурентоспособными технологиями предприятия, так и предприятия с существенной долей устаревших фондов.

В условиях усиливающейся глобальной конкуренции и широкого внедрения развитыми странами экологических стандартов для России критически важно в кратчайшие сроки преодолеть последствия длительной стагнации промышленности и обеспечить ее технико-технологическую модернизацию.

Запуск системы расширенного инновационного воспроизводства национальной экономики возможен посредством механизмов «новой индустриализации». Однако для этого необходимы политическая воля руководства страны и политические решения, которые закрепят «новую индустриализацию» в национальной стратегии развития, законодательных и нормативно-правовых актах.

А пока понятие «новая индустриализация» активно обсуждается ведущими российскими учеными (С. Д. Бодруновым, С. Ю. Глазьевым, Р. С. Гринбергом, С. С. Губановым, В. М. Кульковым, Е. Б. Ленчук, О. С. Сухаревым и др.), прочно закрепилось в отечественном лексиконе политиков, экономистов, финансистов и подразумевает возрождение отечественного индустриального производства. В зарубежных странах термин «новая индустриализация» имеет иной смысл: возврат «на национальные территории индустриальных производств, размещенных ранее в странах с низкой ценой труда» [Кульков В. М., 2015].

В отечественных исследованиях термин «новая индустриализация» отождествляется с «реиндустриализацией», «неоиндустриализацией», «сверхиндустриализацией», что представляется ошибочным. О необходимости обособления этих понятий говорится в исследовании В. М. Кулькова:

— «реиндустриализация» рассматривается в качестве выражения ориентира и индустриального курса российской экономики для формирования надежной материально-технической базы как основы национального суверенитета, а также комплекса мер для преодоления стремительной деиндустриализации 1990-х;

— «неоиндустриализация» определяет переход российской экономики на новый индустриальный базис четвертого и пятого технологических укладов, знаменующих переход к высокотехнологичному наукоемкому производству;

<sup>10</sup> Коэффициенты обновления и выбытия основных фондов. URL: <https://www.gks.ru/folder/14304>.

— «сверхиндустриализация» увязывается с опережающим развитием, Четвертой промышленной революцией, переходом к шестому технологическому укладу, изменением содержания труда и экономической деятельности на основе NBIC-технологий;

— «новая индустриализация» — явление интегральное, вбирающее в себя «реиндустриализацию», «неоиндустриализацию» и «сверхиндустриализацию», означает для России необходимость воплощения всех трех стратегий: «восстановление, динамическое наверстывание и опережающее развитие» [Кульков В. М., 2015].

Согласимся с изложенной позицией, поскольку нам представляется, что «реиндустриализация» отождествляется с переходом экономики к расширенному воспроизводству; «неоиндустриализация» — к расширенному интенсивному воспроизводству; «сверхиндустриализация» — к расширенному инновационному воспроизводству. **«Новая индустриализация» должна отражать общемировой тренд к «зеленой» экономике, то есть расширенное инновационное воспроизводство на основе «зеленых» технологий.**

Какой тип общественного воспроизводства определяет «новая индустриализация» для национальной экономики? Прежде всего необходимо выделить основные черты «новой индустриализации» в России:

— наукоемкая экономика, характеризующаяся трудосбережением, рециркуляцией ресурсов, безотходностью производства, превращением общественного труда прежде всего в творческий и организационный [Губанов С., 2017];

— основывается на обрабатывающей промышленности, обладающей наибольшим в экономике мультипликативным эффектом: 1 долл. США вложений в данную сферу экономики способствует росту ВВП на 1,5 долл., а создание одного рабочего места — увеличению занятости на 0,5–2 рабочих места в других секторах [Толкачев С., 2014];

— имеет свои цели (создание производительных сил технотронного уровня), задачи (внедрение в производство достижений четвертой промышленной революции), формы организации по вертикали и горизонтали (межтерриториальные сетевые структуры, государственно-частное партнерство и т. д.), свои движущие силы (взаимодействие государства, фундаментальной, прикладной науки, образования и бизнеса) [Силин Я. П. и др., 2017];

— означает превращение раздробленного ныне народного хозяйства в консолидированную экономику, качественно схожую с экономикой передовых индустриальных стран мира [Кульков В. М., 2014];

— нацелена на создание качественно новых производительных сил технотронного уровня, взаимосвязанных в системе автоматизированных машин [Сухарев О. С., 2013];

— базируется на технологиях пятого и шестого технологических укладов [Глазьев С. Ю., Харитонов В. В., 2009; Ленчук Е. Б., 2014];

— является цифровой и технотронной [Губанов С., 2017], основывается на вертикальной интеграции корпораций (в триаде «наука — добывающие производства — обрабатывающие производства»), не допускающей изъятия прибыли на стадии добычи сырья или производства полуфабрикатов [Губанов С., 2008];

— обеспечивает ведущую роль реального сектора экономики с приоритетностью производственного капитала над финансовым и суверенную политику государства [Рязанов В. Т., 2016].

Кроме того, прогрессивные технологии в сферах программного обеспечения и 3D-печати положили начало формированию новой аддитивной парадигмы («глобальный дизайн — локальное производство»), базирующейся на эффекте масштаба и системе углубления разделения труда и открывающей широкие перспективы развития революции в области обрабатывающей промышленности [Толкачев С. А., 2018]. Будучи компонентом промышленной политики, «новая индустриализация» должна осуществляться «в неразрывной связи с последовательными прогрессивными изменениями политических

и институциональных основ общества, индивидуального и общественного сознания, целеустремленным решением прогрессирующих социально-экономических и экологических проблем» [Дроздов О. А., 2014, с. 28].

Названное является далеко не полным перечнем признаков и критериев, которым должна соответствовать «новая индустриализация», формирующая новый тип производительных сил и новое качество производственных отношений. На наш взгляд, для России она не имеет смысла без «зеленых» технологий, а «зеленая» экономика невозможна без «новой индустриализации».

Обозначим лишь несколько аспектов, отражающих диалектическое единство процессов «новой индустриализации» и «озеленения» экономики.

Первое. Переход к «зеленой» экономике является безальтернативным процессом, объективно обусловленным требованием снижения экологических рисков и обеспечения социального равенства, повышения благосостояния, сохранения человеческой цивилизации. Россия — активный субъект на международной арене — поддержала документ «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [United Nations, 2015], определивший 17 целей (SDGs). В отношении промышленных предприятий речь идет о том, чтобы ускорить переход к углеродно-нейтральной экономике за счет снижения энергопотребления и более экологичных решений. Предприятиям промышленности предстоит отчитываться по целому ряду экологических индикаторов: выбросам в атмосферу и сточным водам; потреблении и экономии топлива, энергии, воды; опасным и неопасным отходам, повторно используемым, размещенным и переработанным; суммам расходов на охрану окружающей среды и т. д. В последние годы ведется активная работа по гармонизации российского законодательства в области охраны окружающей среды с европейским. В связи с накопившимися экологическими проблемами с 2020 г. промышленные предприятия России переходят на новую систему регулирования загрязнения окружающей среды, которая применяется и положительно зарекомендовала себя в странах ЕС. Таким образом, «новая индустриализация» должна соответствовать принципам «зеленой» экономики, при которой экологическое регулирование дополняется принципами устойчивого развития и «зеленого» роста.

Второе. «Новая индустриализация» должна ориентироваться на экспорт, но будет проводиться в условиях возрастающей конкуренции между государствами, практики протекционизма и взаимных торговых ограничений. В качестве примера можно привести «дизельгейт» (Германия), «Северный поток» (Россия). Так, строительство и эксплуатация «Северного потока» считались практически эталоном в контексте соблюдения требований экологической безопасности, однако «Северный поток-2» должен также соответствовать нормам Третьего энергопакета и законам ЕС в области энергетики, конкуренции и внутреннего рынка. Соответственно, внедрение экологических стандартов и «зеленых» технологий для предприятий индустриального сектора является едва ли не базовым фактором будущей конкурентоспособности на мировых рынках. Кроме того, усиление напряженности между ведущими экономическими державами увеличивает риск девальвации ведущих мировых валют [Мантуров Д. В., 2018], что может привести к «валютным войнам» и углублению дисбалансов в мировой торговле.

Третье. Россия столкнется с глобальными рисками постоянного принятия новых санкций, что ограничит доступ к рынкам сбыта, международным инвестициям и финансовому капиталу; усилится политическое давление и барьеры трансфера технологий. Политика «новой индустриализации» должна рассматриваться в единстве с политикой экологической безопасности, учитывая исторический опыт внешнеполитических вызовов. В частности, можно упомянуть долгосрочный договор «газ-труба» между СССР и ФРГ, предусматривающий импорт магистральных труб большого диаметра в обмен на экспорт газа. Поставку труб диаметром 1020 мм должны были осуществлять компании Krupp, Mannesmann

и Phoenix-Rheinruhr. Однако под давлением США правительство К. Аденауэра ввело запрет на выполнение контрактов, и немецкие компании потерпели колоссальные убытки. На Челябинском трубопрокатном заводе началось строительство стана «1020». Стройка получила статус всесоюзной и была завершена досрочно, в административном порядке получив от государства необходимые ресурсы. Исторический опыт показывает: высокая вероятность ограничений на обмен технологиями и компетенциями с иностранными производителями диктует необходимость уделить особое внимание совершенствованию не только фундаментальных, но и прикладных НИОКР, а также системы подготовки высококвалифицированных кадров. В условиях рыночных отношений должна быть создана среда, обеспечивающая стратегическое взаимодействие и совместное решение проблем промышленности агентами частного и государственного секторов.

Четвертое. Накопившиеся проблемы национальной промышленности нашли отражение в майском Указе Президента России<sup>11</sup>, определившем необходимость диверсификации промышленности и формирования «в обрабатывающей промышленности глобальных конкурентоспособных несырьевых секторов, общая доля экспорта товаров (работ, услуг) которых составит не менее 20 % валового внутреннего продукта страны», что означает «опережающие темпы роста промышленного производства по отношению к другим отраслям экономики» на уровне не менее 4 % [Мантуров Д. В., 2018, с. 15].

Пятое. Четвертая промышленная революция, характеризующаяся интенсивным развитием конвергентных технологий, кластерных и сетевых форм структурирования бизнеса, беспрецедентно меняет роль человеческого капитала. Непрерывное технологическое обновление производств будет предъявлять новые требования к воспроизводству высокоинтеллектуальных производительных сил, вовлекая человеческий капитал в процесс развертывания «новой индустриализации» и формируя новые производственные отношения.

Шестое. «Новая индустриализация» предполагает существенные инвестиции. Скорее всего, эти инвестиции не просто должны быть направлены на финансирование инновационных технологических разработок, но и должны носить ресурсосберегающий, экологоориентированный характер. Это означает, что отдельные предприятия-загрязнители неизбежно столкнутся с необходимостью привлечения инвестиций на финансовых рынках, в том числе на глобальных. Одним из важнейших критериев инвестиционной привлекательности промышленного предприятия станет безусловное снижение негативного воздействия на окружающую среду. Эти же критерии будут применяться и к инструментам, обеспечивающим финансирование «новой индустриализации».

К сказанному следует добавить еще ряд позиций, определяющих условия и факторы «новой индустриализации» в России:

- приоритетное развитие реального сектора экономики на новейшей технологической основе;
- формирование новой технократической элиты с компетенциями интеллектуального обеспечения новой политики;
- наращивание интеллектуального потенциала научных и инженерно-технических кадров, реализующих новые научные направления и разработки конкурентных технологий;
- включение параметров «новой индустриализации» в состав ключевых стратегических задач государства<sup>12</sup> с соответствующим законодательным, институциональным, финансовым и кадровым обеспечением;

<sup>11</sup> Указ Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

<sup>12</sup> В процессе либеральных реформ основу целеполагания российской экономики составили финансовая стабильность и максимизация прибыли.

- соответствие принципам устойчивого развития с опорой на эффективно функционирующие формальные и неформальные институты;
- наращивание кадрового потенциала с новым качеством рабочей силы должно поддерживаться адекватными социально-экономическими инструментами стимулирования работников и регулирования рынка труда, обеспечивая качественное воспроизводство человеческого капитала.

Таким образом, исследование различных факторов, условий и требований, которым должна соответствовать проводимая государством промышленная политика, позволяет сделать вывод о том, что «новая индустриализация» выступает базисом не просто новой модели экономики, но и нового качества развития производительных сил, производственных отношений и нового типа воспроизводства экономических систем — **расширенного «зеленого» воспроизводства.**

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве итогов исследования сформулируем сначала основной вывод: неолиберальная эпоха исчерпала резервы роста, что побуждает страны задумываться о новой модели развития, при этом подходы к конкретному содержанию «новой индустриализации» могут существенно отличаться в различных странах. Для России «новая индустриализация» должна сочетать в себе черты четвертой промышленной революции с вектором движения к «зеленой» экономике. Данное заключение можно подтвердить следующими положениями.

1. Переход к шестому технологическому укладу в большинстве стран сопряжен с принципами устойчивого развития и «зеленой» экономики.

2. Мировой кризис 2020 г. сгладил проблему глобального перепроизводства и получил формат структурного кризиса, прежде всего вследствие принятия беспрецедентных карантинных мер и массовой остановки предприятий в большинстве стран мира. После снятия ограничений, скорее всего, продолжится структурный спад, порождающий усиление требований «экологических» стандартов; последние могут стать мощным инструментом конкурентной борьбы компаний и государств.

3. Движение России к «зеленой» экономике идет с существенным запаздыванием, однако в последние годы в стратегических документах были сформулированы меры, направленные на преодоление последствий длительного простаивания промышленности и обеспечение ее технико-технологической модернизации. Начинается институциональное оформление «новой индустриализации» как механизма перехода национальной экономики к расширенному инновационному производству на принципах «зеленой» экономики.

4. Таким образом, исследование основных факторов, условий, трендов, требований и признаков «новой индустриализации», которая должна быть проведена именно в России, позволило обобщить ее основные черты и сделать вывод о диалектическом единстве процессов «новой индустриализации» и «озеленения» экономики.

## Список источников

- Акбердина В. Бюджет как направляющая основа социально-экономического развития индустриального региона, 2017. URL: <https://www.iier.ru/ru/gaydarovskie-chteniya/17-02-2017-gaidarovskie-chtenii-a-v-ekaterinburge.html>.
- Амосов А. Можно ли отложить до 2017 г. поворот к новому индустриальному развитию // Экономист. 2015. № 3. С. 3–13.
- Белов В. Б. COVID-19 — game changer европейской экономики? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 3. С. 4–12.
- Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (О формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9. С. 3–27.
- Губанов С. Неоиндустриализация: к вопросу о «вопросе» (некоторые уточнения) // Экономист. 2017. № 3. С. 43–53.
- Довбий И. П. Принципы кредитного обеспечения инвестиционно-инновационных процессов региона: моногр. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011. 259 с.
- Довбий И. П. Промышленность России: инвестиционно-инновационное развитие и экономическая безопасность: моногр. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. 240 с.
- Дроздов О. А. К вопросу об ориентирах новой индустриализации в России / Новая индустриализация России. Теоретические и управленческие аспекты: моногр. Под научн. ред. Н. Ф. Газизуллина. СПб.: НПК «РОСТ», 2014.
- Кабир Л. С. Социально ответственное инвестирование: тренд или временное явление? // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 4. С. 35–41.
- Кузнецов Б. В., Симачев Ю. В. Эволюция государственной промышленной политики в России. Журнал Новой экономической ассоциации. 2014. № 2 (22). С. 152–178.
- Кульков В. М. Новая индустриализация в контексте экономического развития России // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 2. С. 81–85.
- Кульков В. М. Постиндустриализация или новая индустриализация? // Проблемы современной экономики. 2014. № 3. С. 56–59.
- Ленчук Е. Б. Формирование кадрового потенциала для инновационной экономики // Экономическое возрождение России. 2017. № 1 (51). С. 22–26.
- Ленчук Е. Б. Роль «Новой индустриализации» в формировании инновационной экономики России / Институциональная среда «новой индустриализации» экономики России: сб. М.: Институт экономики РАН, 2014. 264 с.
- Мантуров Д. В. О промышленной политике России на перспективу 2018–2030 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2018. 4 (61). С. 7–22. URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-4-61-7-22>.
- Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / Под ред. С. Ю. Глазьева и В. В. Харитоновой. М.: Тривант, 2009. 304 с.
- Паздникова Н. П., Глазкова Н. Г., Буреш Д. С. COVID-19: влияние нового типа коронавирусной инфекции на национальную экономику // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 2А. С. 169–177. URL: <https://doi.org/10.34670/AR.2020.21.54.015>.
- Промышленная политика в эпоху цифровой трансформации экономики: моногр. / Под ред. С. А. Толкачева. М.: КноРус, 2018. 204 с.
- Рязанов В. Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016. 695 с.
- Силин Я. П., Анимича Е. Г., Новикова Н. В. Региональные аспекты новой индустриализации // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 3. С. 684–696. URL: <https://doi.org/10.17059/2017-3-4>.
- Сухарев О. С. Реиндустриализация России. Возможности и ограничения // Экономист. 2013. № 3. С. 6–12.
- Стиглиц Дж. Глобализация. Тревожные тенденции / Пер. с англ. и прим. Г. Г. Пирогова. М.: Мысль, 2003. 300 с.
- Симачев Ю. Промышленная политика в России: институциональные особенности, группы интересов, уроки на будущее. Диспут-клуб Ассоциации независимых центров экономического анализа «Узлы экономической политики». Москва, 16 января 2014 г. URL: <https://www.econ.msu.ru/ext/lib/News/x20/x6e/8302/file/Simachev%20presentation%202014-01.pdf>.
- Татаркин А. И., Романова О. А. Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение // Экономика региона. 2014. № 2 (38). С. 9–21. URL: <https://doi.org/10.17059/2014-2-1>.
- Толкачев С. Реиндустриализация в США: канун неоиндустриального уклада // Экономист. 2014. № 10. С. 54–69.
- Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development / United Nations, resolution A/RES/70/1, 2015.

Поступила в редакцию 11 июля 2020 г.  
Принята к публикации 19 августа 2020 г.

## References

- Akberdina V. (2017). The Budget as a Guiding Basis for the Socio-Economic Development of an Industrial Region (In Russ.). Available at: <https://www.iep.ru/ru/gaydarovskie-chteniya/17-02-2017-gaidarovskie-chteniya-v-ekaterinburge.html>.
- Amosov A. (2015). Is It Possible to Postpone Until 2017 the Turn to New Industrial Development. *Ekonomist – The Economist*, no. 3, pp. 3–13 (In Russ.).
- Belov V. (2020). COVID-19 – Game Changer of the European Economy? *Nauchno-analiticheskiy vestnik IYe RAN – Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 3, pp. 4–12 (In Russ.). Available at: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran32020412>.
- Dovbij I.P. (2011). The Principles of a Credit Provision for Investment and Innovative Processes in the Region: Monograph. Chelyabinsk: SUSU Publ., 259 p. (In Russ.).
- Dovbij I.P. (2018). Russian Industry: Investment and Innovation Development and Economic Security: monograph. Chelyabinsk: SUSU Publ., 240 p. (In Russ.).
- Drozdo O.A. (2014). To the Question of the Guidelines for New Industrialization in Russia. In: New Industrialization of Russia. Theoretical and Managerial Aspects. Ed. by N.F. Gazizullin. St. Petersburg: NPK “ROST” Publ. (In Russ.).
- Glazyev S.Yu., Kharitonov V.V., eds. (2009). Nanotechnologies as a Key Factor for a New Technological Way in Economy. Moscow: Trovart Publ., 304 (In Russ.).
- Gubanov S.S. (2008). Neo-Industrialization Plus Vertical Integration (On the Formula of Russia’s Development). *Ekonomist – The Economist*, no. 9, pp. 3–27 (In Russ.).
- Gubanov S. (2017). Neo-Industrialization: on the Question of the “Question” (Some Clarifications). *Ekonomist – The Economist*, no. 3, pp. 43–53 (In Russ.).
- Kabir L.S. (2017). Socially Responsible Investing: a Trend or a Temporary Phenomenon? *Ekonomika. Nalogi. Pravo – Economics. Taxes. Law*, no. 4, pp. 35–41 (In Russ.).
- Kuznetsov B.V. Simachev Yu.V. (2014). Evolution of State Industrial Policy in Russia. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi associacii – Journal of the New Economic Association*, no. 2 (22), pp. 152–178 (In Russ.).
- Kul’kov V.M. (2015). New Industrialization in the Context of Economic Development of Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo – Economics. Taxes. Law*, no. 2, pp. 81–85 (In Russ.).
- Kul’kov V.M. (2014). Post-Industrialization or New Industrialization? *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economy*, no. 3, pp. 56–59 (In Russ.).
- Lenchuk E.B. (2017). Formation of Human Resources for the Innovative Economy. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii – Economic revival of Russia*, no. 1 (51), pp. 22–26 (In Russ.).
- Lenchuk E.B., ed. (2014). The Role of New Industrialization in Formation of Innovative Economy in Russia. In: Institutional Environment of the New Industrialization in the Russian economy: A collection. Moscow: IE RAS Publ., 264 (In Russ.).
- Manturov D.V. (2018). On the Industrial Policy of Russia for 2018–2030. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, no. 4 (61), pp. 7–22 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-4-61-7-22>.
- Pazdnikova N.P., Glazkova N.G., Buresh D.S. (2020). COVID-19: Influence of a New Type of Coronavirus Infection on the Country’s National Economy. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra – Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, vol. 10, iss. 2A, pp. 169–177 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.34670/AR.2020.21.54.015>.
- Ryazanov V.T. (2016). (Not) Real Capitalism. Political Economy of the Crisis and Its Consequences for the World Economy and Russia. Moscow: Ekonomika Publ., 695 p. (In Russ.).
- Silin Ya.P., Animitsa, E.G., Novikova N.V. (2017). Regional Aspects of New Industrialization. *Ekonomika regiona – Economy of Region*, vol. 13, iss. 3, pp. 684–696 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.17059/2017-3-4>.
- Simachev Yu. (2014). Industrial Policy in Russia: Institutional Features, Interest Groups, Lessons for the Future. Nodes of Economic Policy Dispute Club of the Association of Independent Centers for Economic Analysis (In Russ.). Available at: <https://www.econ.msu.ru/ext/lib/News/x20/x6e/8302/file/Simachev%20presentation%202014-01.pdf>.
- Stiglitz J.E. (2002). Globalization and Its Discontents. NY: W.W. Norton, 282 p.
- Sukharev O.S. (2013). Reindustrialization in Russia. Opportunities and Restrictions. *Ekonomist – The Economist*, no. 3, pp. 6–12 (In Russ.).
- Tatarin A.I., Romanova O.A. (2014). Industrial Policy: Genesis, Regional Features and Legislative Provision. *Ekonomika regiona – Economy of Region*, no. 2, (38), pp. 9–21 (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.17059/2014-2-1>.
- Tolkachev S.A. (2014). Reindustrialization in the USA: the Eve of the Neo-Industrial Order. *Ekonomist – The Economist*, no. 10, pp. 54–69 (In Russ.).
- Tolkachev S.A., ed. (2018). The Industrial Policy of the Age of Digital Transformation in Economy. Moscow: KnoRus Publ., 204 p. (In Russ.).
- United Nations (2015). Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development (resolution A/RES/70/1).

Received 11.07.2020

Accepted for publication 19.08.2020